

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

© 2008 г. Е. В. Скурко²

В условиях глобализации в силу общего усиления и расширения сфер взаимодействия государств неизбежно входят в контакт и начинают тесно взаимодействовать правовые системы. Между тем в теории пока еще не выработаны однозначные подходы к оценке такого взаимодействия.

В попытке оценить современные *формы взаимодействия правовых систем государств и сообществ* представляется продуктивным применить традиционный для теории права подход, а именно – рассмотреть правовые системы как совокупности компонентов:

статических: совокупность юридических норм, принципов и институтов (нормативная сторона системы); совокупность правовых учреждений (организационный элемент); совокупность правовых взглядов, идей, представлений, свойственных данному обществу (идеологический элемент);

динамических: правотворчество; правореализация³.

Кроме того заслуживает пристального внимания подход И.И. Лукашука, который, говоря об *интернационализации права*, полагает, что интернационализация права осуществляется *стихийно и целенаправленно*⁴. Суть стихийного пути, по мнению исследователя, состоит в том, что стандартизация условий жизни и внешних связей определяет тенденцию к единообразному правовому регулированию⁵. Целенаправленными способами интернационализации в концепции И.И. Лукашука являются *рецепция, гармонизация и унификация права*⁶.

Особую актуальность также приобретает сегодня проблема *вынужденных юридических взаимодействий* в правовой сфере. Поднимая эту проблему, например, Е.А. Тверякова ставит вопрос о *юридической экспансии* как процессе и результате навязывания одним обществом (частью общества, государством, социальной группой и т.п.) своей правовой системы другому обществу⁷.

Учитывая обозначенные подходы, как представляется, можно говорить о трех основных формах взаимодействия правовых систем: *конвергенции, ассимиляции и интеграции*.

Под конвергенцией правовых систем понимается феномен и процесс возникновения сходных и одинаковых явлений в правовых системах различных государств, взаимоуподобление отдельных элементов правовых систем и правовых систем в целом⁸. То есть конвергенция во многом схожа с представлениями о стихийной интернационализации права в концепции И.И. Лукашука.

Ассимиляция правовых систем – процесс, возникающий при контакте этих систем, в ходе которого происходит их слияние с утратой одной из них своих характерных признаков и элементов, а также зачастую сопровождающийся утратой традиционных институтов и традиционного правосознания⁹. В целом представляется корректным говорить о том, что ассимиляция правовой системы зачастую становится результатом юридической экспансии в смысле, предложенном Е.А. Тверяковой.

Юридическая ассимиляция возникает во взаимодействии правовых систем, общесистемный потенциал которых (например, социально-экономический либо военно-политический) различен, т.е. при условии (тотального) неправового доминирования одной из взаимодействующих систем над другой. Юридическая ассимиляция – явление весьма редкое, конечного результата которой мы пока не наблюдали на практике. В настоящее время процессы юридической ассимиляции развиваются в основном под интенсивным воздействием фактора экономической, а также военной мощи некоторых государств при подавлении экономически слабых стран, фактически принуждаемых идти на трансформации своих правовых систем.

Если проанализировать тенденцию ассимиляции одной правовой системы другой правовой системой покомпонентно, в целом можно утверждать, что она будет проявляться следующим образом:

во взаимодействии нормативных компонентов правовых систем происходит, с одной стороны, принятие несвойственных ассимилируемой правовой системе принципов, механизмов и норм, навязываемых ассимилирующей системой, а с другой – вытеснение традиционных институтов в ассимилируемой правовой системе либо вследствие прямой их отмены, либо, в условиях формального сохранения, их фактическое непримене-

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 06-03-00124а.

² Научный сотрудник сектора общей теории и социологии права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук.

³ См.: Правовая система социализма. В 2-х т. Т. 1. М., 1986. С. 39.

⁴ См.: Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М., 2000. С. 44.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: Тверякова Е.А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2002. С. 10.

⁸ Понятие конвергенции правовых систем дано по аналогии с представлениями о ней в этнографии (см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1989).

⁹ Понятие ассимиляции правовых систем, или юридической ассимиляции, дано по аналогии с представлениями о ней в этнографии (см.: там же).

ние в социально-экономической и юридической практике;

во взаимодействии организационных компонентов правовых систем происходит либо встраивание органов и учреждений ассимилируемой системы в иерархию ассимилирующей системы, либо при формальном сохранении независимости этих органов и учреждений фактическое их подчинение воле, навязываемой ассимилирующим субъектом международного права;

во взаимодействии компонентов, связанных с выражением общественного правосознания в ассимилируемой системе от лица властных/государственных органов и учреждений либо с их молчаливого согласия, прямо или косвенно проводится пропагандистская работа или правовое воспитание, обусловленное правовыми и социокультурными ценностями ассимилирующего субъекта.

На наш взгляд, оптимальной формой взаимодействия правовых систем в условиях глобализации, как правило сопрягающейся с процессами международной экономической интеграции, является интеграция правовых систем как процесс, возникающий при их контакте, в ходе которого сохраняются наиболее эффективные и ценные элементы, которые могут становиться общими, переходя на наднациональный уровень для интегрирующихся правовых систем в ходе развития их международных отношений и сотрудничества.

Интеграция правовых систем может развиваться по следующим направлениям:

при взаимодействии нормативных компонентов правовых систем происходит выявление либо выработка новых принципов, механизмов и норм, а также их апробирование и возможное дальнейшее перенесение на уровень нормативного компонента наднациональной правовой системы;

при контактах организационных компонентов правовых систем происходит либо глубокая координация деятельности, либо создание единых органов наднационального характера;

при взаимодействии компонентов, связанных с выражением общественного правосознания, в интегрирующихся системах происходит конвергенция правосознания интегрирующихся обществ, характеризующаяся высокой правовой культурой, общей ориентированностью на общение с внешним миром и до определенной степени готовностью к естественной ассимиляции в плане социокультурного взаимодействия.

При этом юридико-техническая сторона взаимодействия правовых систем *как в условиях ассимиляции, так и в условиях интеграции* находит формальное воплощение в:

рецепции – одностороннем заимствовании одним государством у другого крупных массивов законодательства;

гармонизации – сближении механизмов правового регулирования двух или более государств в отдельных отраслях в форме утверждения общих институтов, норм, устранения противоречий;

унификации – введении двумя или более государствами единообразных норм¹⁰.

¹⁰ Подробнее см.: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 44.

Примеры взаимодействия правовых систем по предложенным схемам достаточно широко представлены на практике.

Так, например, процессы конвергенции правовых систем растут параллельно с глобализацией экономики, обуславливающей необходимость разработки и принятия адекватных средств правового регулирования в связи с вовлечением страны в мировое хозяйство.

Попытки ассимиляции правовых систем можно наблюдать в современной ситуации в Афганистане и Ираке.

Процессы интеграции правовых систем наиболее очевидны в процессах региональной интеграции. Наиболее ярким примером здесь является ЕС.

Однако описанные формы взаимодействия правовых систем не исчерпывают всех существующих в этой сфере проблем и возможных форм взаимодействия. Так, приведенные выше схемы взаимодействий правовых систем строились, исходя из того, что юрисдикции взаимодействующих правовых систем не “пересекаются”, т.е. не входят друг с другом в непосредственные противоречия.

Между тем в условиях глобализации проблемы коллизий юрисдикций правовых систем, а также международно-правовых режимов все более существенно проявляются и обостряются. Это происходит в основном в силу того, что в настоящее время все более усиливается влияние доктрины “свободного подхода” государства к выбору объемов и форм международного взаимодействия права своей страны¹¹. Этот же “свободный подход” все более активно воспринимают и международные организации, определяя свою компетенцию и формы отношений с другими субъектами международного права.

Результатом повсеместной практики “свободного подхода” становится рост явлений правового плюрализма. Так, сегодня нередки ситуации, когда один и тот же факт или объект правоотношений оказывается одновременно относящимся к сфере действия нескольких международно-правовых режимов, национальных правопорядков и правовых систем, собственно соотношение которых ни по юридической силе, ни с помощью принятых коллизионных правил однозначно установить не удастся.

За этим явлением все более прочно утверждается термин “правовой плюрализм”¹².

Строго говоря, правовой плюрализм есть своего рода дефект взаимодействия правовых систем, возникающий в силу коллизий их юрисдикций в международно-правовом поле, первопричиной которых является уже упоминавшийся “свободный подход”, фактически признаваемый в современных условиях за государством в определении своих международно-правовых взаимодействий.

¹¹ Подробнее см.: Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1984. С. 151–158.

¹² Сам термин имеет, тем не менее, более чем вековую историю и связан с анализом взаимодействия правовых систем периода колонизации, с определением соотношения права метрополии и колонизированных народов.

Этот же “свободный подход” лежит в основе существующих и усиливающихся коллизий международно-правовых режимов.

Приведем несколько примеров.

В октябре 2001 г. Ирландия обратилась в Международный Трибунал ООН по морскому праву ООН (г. Гамбург) с иском к Великобритании касательно функционирования завода по ядерному обогащению Селлафильд (Sellafield nuclear enrichment plant). Полтора года спустя Комиссия ЕС дала заключение, согласно которому предмет этого иска относится к компетенции ЕС, Суда ЕС в Люксембурге.

В июне 2003 г. Председатель Арбитражного Трибунала по морскому праву приостановил дело, указав, что компетенция Ирландии по этому вопросу могла быть передана ЕС, а само дело должно быть передано Суду ЕС. Председатель Трибунала Томас Менза (Menzah) в отношении данного случая высказал следующее: “Трибунал полагает, что в ситуации, когда в отношении одного и того же факта могут быть вынесены два различных (conflicting) решения не служит идее разрешения международных споров. Точно также эта ситуация не находится в русле взаимного уважения между юридическими институтами, которым страны доверили разрешение возникающих между ними споров”.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) допускает, признает и даже рекомендует независимое существование (или сосуществование) идентичных или сходных торговых марок – по меньшей мере в различных сегментах системы Интернет.

7 февраля 2006 г. Всемирная торговая организация (ВТО) дала предварительное заключение, что ЕЭС нарушает свои обязательства по ВТО, де-факто установив торговые барьеры в отношении определенных видов продукции, произведенной с применением генетических модификаций. ЕЭС, со своей стороны, ссылается на Картахенский протокол к Конвенции ООН по биологическому разнообразию, на основании которого были введены соответствующие ограничения.

Пример конфликта национальных актов и международных норм и обязательств. США на основании национального акта ESA (Endangered Species Act) ограничивают экспорт из стран, применяющих методы добычи морских ресурсов, наносящих ущерб видам, находящимся под защитой национального законодательства в США (в том числе в отношении Бразилии, Индии, Китая, Филиппин и др.).

Индия, Малайзия, Таиланд и Пакистан совместно обратились в Орган по разрешению споров ВТО с иском о том, что наложение ограничений со стороны США на импорт морепродуктов из этих стран в силу американского национального природоохранного законодательства входит в противоречие с нормами и обязательствами по ГАТТ/ВТО.

К разряду причин, непосредственно обуславливающих ситуации правового плюрализма можно отнести ряд нижеследующих факторов и обстоятельств:

1. Национальную доктрину соотношения национального и международного права. Во-первых, речь идет о международно-правовом монизме или национальном монизме – двух полюсах в конструировании единой правовой системы, включающей как национальное, так и международное право. Во-вторых, о ду-

ализме, полагающем национальное и международное право независимыми, но взаимодействующими системами.

Например, практику РФ принято относить к дуалистической доктрине; США свойственен национальный монизм; государствам ЕС все более свойственен “евромонизм”; Швейцария придерживается международного монизма;

2. Различия базовых принципов организации и функционирования правовых систем. На государственном уровне это доминирование принципа территориальности действия права или доминирование принципа персональности действия права.

Принцип персональности действия права носит, строго говоря, рудиментарный, “довестфальский” характер. Тем не менее, он доныне в существеннейшей степени свойственен теократическим правовым системам. Иудеи, мусульмане и индуисты, а частично китайцы-конфуцианцы, попадая в новую социально-правовую среду, тем не менее со временем в рамках формирования диаспоры воспроизводят в своих отношениях традиционный правовой порядок, в том числе соблюдают свой “закон”, данный им богом, а также создают свой “суд”, действующий в рамках их традиционного правового понимания.

В этом процессе фактически происходит “институционализация” традиционной теократической правовой системы в рамках новой “страны-носителя”.

Наиболее успешно эти процессы идут в странах общего права (США, Великобритания), как представляется, в силу специфики правовой традиции этих стран.

Например, суды США признают ссылку на традиции “страны происхождения” участников судебного разбирательства и отдают соответствующим обычным нормам приоритет перед нормами национального законодательства¹³.

В английских СМИ недавно прошел ряд публикаций, поднимающих дискуссию вокруг практики, согласно которой этнические и религиозные суды обретают легитимность, а их решения получают признание в рамках и системе английских судов. В публикациях подчеркивается, что среди этно-религиозных меньшинств в Великобритании фактически существуют “правовые вселенные”, параллельные государственной, а со стороны ученых-юристов следуют комментарии, что подобные суды оказываются более эффективны в отношении лиц, к ним прибегающим, чем официальная правовая система, в том числе в плане достижения “социальной гармонии”¹⁴.

В отечественной юридической науке правовой плюрализм в основном рассматривается в рамках юридической антропологии, наделяющей самобытными “правовыми системами” фактически все общественные образования, которые на это претендуют или даже не претендуют (начиная с коренного населения и

¹³ Подробнее см., например: Поленина С.В. Мультикультуризм и права человека в условиях глобализации // В кн.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / Отв. ред. С.В. Поленина. М., 2006. С. 237–238.

¹⁴ См.: Bowen I. The End of One Law for All? // BBC NEWS: <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/magazine/6190080.stm> Published: 2006/11/28.

заканчивая трудовыми коллективами)¹⁵. В этом плане отечественная наука продвигается несколько в ином направлении. Тем не менее, необходимо вести исследования правовых средств, использование которых позволило бы разрешать ситуации правового плюрализма не в соответствии с произволом более активной или экономически мощной стороны отношений, но в связи с идеей поиска “справедливого” решения (насколько это позволяют существующие достижения общественных наук и социальной практики).

Так, вряд ли разумно рассчитывать на то, что государства придут к консенсусу по вопросу определения единообразным образом соотношения своих правовых систем с международным правом, а также единству

восприятия отношения: государство – личность – территория.

Поэтому, по-видимому, назрела необходимость, в том числе усилиями юридической науки, создания концепции своеобразного “коллизийного права” в рамках международного публичного права, установившего бы некие общие принципы, правила и критерии применения тех или иных норм, относящихся к тому или иному международно-правовому режиму или национальной правовой системе, например на основе целей или исходя из приоритетов текущего развития мирового сообщества, “рупором” которого принято считать ООН.

Кроме того, в условиях существующего уклада международного права, обязанного своим происхождением Вестфальскому мирному договору (1648), необходимо прочно стоять на позициях ограниченности действия права данного государства пределами его территории. Данная проблема актуальна, как никогда прежде.

¹⁵ См., например: Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2002; см. также публикации на сайте ИЭА РАН <http://www.jurant.ru/ru/publications/>